

Архим. ФЕОДОР (А. М. БУХАРЕВ)

О современности в отношении к православию

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Вопрос о современности в отношении к православию в последнее время пришел, по-видимому, в некоторое живое движение. Появлялись в нашей литературе статьи: «Современность и православие». Затем еще начался целый ряд статей: «Современные идеи православны ли?» Были по поводу этих статей и журнальные критические замечания. Есть у нас писатели, которые, ратуя под знаменем ревности за православие, постоянно указывают на «современную цивилизацию» или на «современный прогресс»

Говорить ли о том, как важен, как достоин всего нашего внимания этот вопрос о современности в отношении к православию? Довольно сказать, что большая часть преткновений и даже крушений, испытываемых нашею мыслью или только угрожающих ей, соприкосновенна к этим двум важнейшим пунктам — православию и современности. Сам Господь наш сильно упрекал не только законников и учителей иудейских, но и весь народ Божий за невнимательность к современным нуждам и опасностям по отношению к вере. *Глаголаще же и народам*, — так сказано о Господе в Евангелии Луки, гл. 12, 54—56 ст., — *егда узрите облака восходяще от запада, абие глаголете: туча грядет, и бывает тако. И егда юг веющ, глаголете: зной будет, и бывает. Лицемери, лице небу и земли весте искушати: време же сего како не искушаете?*

Во время земной жизни Господь находил нужным с особенною силою обличать многие превратные понятия современников, которые относились к области веры и самыми ревнителями ветхозаветного православия были признаваемы правыми. С этой

именно стороны и нам в особенности нужно испытывать нашу современность в отношении к православию. Допущенные касательно этого недоразумения и тем более ошибки могут привести к самым плачевным последствиям. Ибо всякое другое преткновение или даже падение мысли и духа, не относящееся прямо к вере или к ее направлению, легко может быть примечено и исправлено при свете чистой веры; а напротив, преткновения и ошибки, какие вкрались бы в направление и мысль самой веры у кого бы то ни было, им самим уже не примечаются, а непримеченные не могут быть и исправлены. Итак, вопрос о современности в отношении к православию определяется для нас так: идеи и стремления иных наших современников, относящиеся к самому православию и признаваемые ими самими за православные, — все ли и вполне ли, на самом деле, православны, — если иметь в виду истинные нужды и опасности нашего времени по отношению к православию?

Истина Господня пребывает вовек, едина и непреложна: но отношение наше к Господней истине в разные времена бывает соответственно различным их особенностям и нуждам, и потому оно неизбежно разнообразится, хотя сила дела в этом отношении всегда должна быть одна и та же. Правое или прямо православное отношение наше к истине Божьей по силе дела должно быть непременно таково, чтобы в какое бы ни было время искать и обретать в Божьей истине полный, чуждый и тени какой бы ни было односторонности, свет и жизнь: ибо в Господе, который един и есть самое существо истины (Иоан. 14, 6), содержится свет и жизнь для всякого человека, от самого его вступления в сей мир (Иоан. 1, 4). Но чтобы иметь в истине Господней свет и жизнь, первенствующие христиане должны были проливать кровь свою в гонениях от иудеев и язычников; православные христиане периода вселенских соборов должны были стоять против ересей, возмущавших и колебавших весь мир христианский; далее, православные Востока должны были, при внешнем напоре на них ислама, устоять против заблуждений и притязаний папства, и так далее. Понятно, что и в наше время, которое если не более, то по крайней мере и не менее других времен отличается резкою особенностью и знаменательностью, должно верующим стоять так же в особом, свойственном особым нуждам нашего времени отношении к истине Христовой, чтобы находить в ней полный свет и жизнь для всех потребностей и против всех опасностей нашего времени.

Хорошо было бы проследить весь ряд времен, прожитых уже православием, сличая их с нашим временем. Тогда бы мы лучше

и яснее всего увидели, что многое — нужное и достаточное для того или другого прежнего времени в отношении к православию — будет для нашего времени уже недостаточно раскрывать (а иногда даже более закрывать) свет и жизнь православия, если мы потеряем из виду особенности нашего времени или современные потребности и опасности для православия. В настоящий раз мы возьмем во внимание только самые первые времена христианства.

В первые века христианства среди гонений сначала от иудеев и потом от языческого мира, христианину православному для соблюдения и раскрытия в себе спасительного света Христова нужно и вполне достаточно было чистосердечного и твердого исповедания веры во Христе с решительным отвержением иудейства и язычества — потому что это соединено было с подвигом мученичества, которое вводило в самое живое общение *в страстях Христовых*; и потому преизобильно и разнообразно раскрывало в христианах светоносный и животворящий дух Христов. «Что ж, и теперь, — скажут сейчас же иные, — разве для спасения не требуется и недостаточно твердого и прямодушного исповедания веры во Христа, с решительным и полным отвращением от всего враждебного Его истине?» Так. Но вопрос в том: достаточно ли этого в наше время для такого же чудного и победоносного над всем враждебным раскрытия животворящей и светоносной Христовой истины и благодати, какое украсило и прославило православную Церковь в века гонений? Святые мученики и мученицы Христовы, терпя из любви и верности своему Господу ужасные кровавые страдания, чрез это, как уже сказали мы, глубоко и с особенною живостию входили в дух и силу Христовых страданий и смерти, именно в *общение* той Господней любви к нам, грешным и гибнущим людям, какую проявил Он в своих страданиях и крестной смерти. И потому — сладость сей божественной любви, ими вкушаемая, выражалась в радостных их славословиях среди самых мучений; расположения Христовой любви, исполняющие и движущие их сердца, раскрывались в пламенных молитвах не только за Церковь, за присных* по вере, но и за самых гонителей и мучителей; Божия всемогущая сила любви Господней проявлялась в чрезвычайном могуществе слова некоторых из св. мучеников и мучениц, в знамениях и чудесах, творимых страсотерпцами. Вследствие всего этого кровь, ими проливаемая в страданиях за Господа, оказывалась самым живым и плодотворным семенем к распространению и возвеличению Церкви Христовой. Сличи же теперь со всем этим свои расположения и дела и их последствия сам ты, которого Бог по-

миловал и ущедрил твердою и искреннею верою во Христа и Его Церковь, который еще одушевляешься и ревностью против всего христовраждебного. Сличай, однако, не поверхностно и не укрываясь от истины ни под каким предлогом. Под предлогом, например, сознания своего личного ничтожества и недостойнства пред св. мучениками; ибо, отчуждаясь от истинного духа св. мучеников, который есть собственно Христов дух, христианин отчуждался бы и от самого Христа. Благо тебе, если ты уже и стоишь на том, чтобы во всем следовать и предаваться духу и силе крестных страданий и смерти Христовой. Именно — духу Агнца Божия, вземлющего грехи мира, движением и расположением той Его любви к человекам, как будто Он и виноват был пред Отцем за все человеческие заблуждения и грехи! Тогда недалеко и от тебя благодать быть мучеником любви Господней к нам, грешным. Ты на себе (не сам собою, а по отношению к благодати Божия Агнца, вземлющего наши грехи) будешь выносить многие духовные бремена своих ближних, их преткновений, недоразумений, ошибок и даже нападений. Но только Бог и душа твоя будут знать тайну такого твоего мысленного и нравственного мученичества. По наружности же это, очевидно, будет несколько не похоже на внешность мученического подвига древних страдальцев по совершенно различному от их времени характеру нашего времени. Но если ты или я вздумаем опочить на своей твердой и искренней вере в Христа Бога и даже предадимся ревности против всего христовраждебного, а наперед не позаботимся выяснить для себя и принять в начало для своей мысли и сердца и воли *общение в силе страданий Христа, которым собственно и отличались св. мученики*, именно духа и силы любви Агнца Божия к нам, грешным, — то, очевидно, мы — не подражатели веры св. страстотерпцев. Без участия в духе и настроении Господней любви, по которой Он на кресте *бысть по нас*, грешных и заблуждающихся, *клятва* или олицетворенное проклятие, по слову Божию (Гал. 3, 13), — наша твердая вера, при всей своей ревности не далека будет от духовного самодовольства, соединимого более или менее с осуждением других в их недостатках и заблуждениях относительно веры. Наша ревность против всего христовраждебного не далека будет от духа отталкивающей и пугающей нетерпимости. И, управляемая и одушевляемая такими расположениями, наша деятельность, конечно, совсем не будет плодоносным для христианства семенем, а скорее всего будет иссушать все живое и плодоносное в христианстве. Да! ныне время такое, что иной ратует на словах за Христа, а посмотришь внимательнее — увидишь, что он самоуверенно и

с самооправданием ратует много, много за мертвую букву той или другой истины, не желая и знать истинного Христова духа; а ведь это значит иудействовать и в христианстве. Иной думает и говорит, что он в вере тверд, а посмотришь — он служит мерзости своего корыстолюбия или другой страсти, или какой идеи, взятой совсем не от веры; а ведь это идолопоклонство и язычество, хотя и прикрытое личиною христианства.

Св. мученики своими страданиями или своим на деле общением в страданиях и смерти Иисуса Христа одержали победу над язычеством. Эту самую победу их над язычеством мы и должны наследовать и удержать тем, чтобы все области знания и жизни, где есть идолы каких бы ни было идей не по Христу, всемерно усиливаться озарить светом Христовой истины и благодати. А верный путь к сему один и для нас, как для св. мучеников — общение в Христовых страстях, участие в духе и расположениях той любви Господней к грешным и заблуждающим, по которой Он душу свою положил за них, как будто Он один и был виноват за всех. Св. мученики одержали победу прежде всего над иудейством. Для усвоения себе этой победы нам всемерно надобно стараться, чтобы отнюдь не допускать до себя мертвого и рабского духа иудейства, состоящего в ревности только по букве Божией истины, взятой вне своей силы и духа. Подобно св. мученикам и исповедникам, будем мужественно и безбоязненно, с ревностью стоять за истину Христову против лжи иудейства и язычества, духовно приражающейся и к христианам; но вместе будем, подобно тем же добропобедным мученикам, одушевляться духом любви Христовой к грешному и погибающему человеку. Будем духовно щадить и миловать человека и в иудее, и в неверном. Бедственное и плачевное дело, если с ревностью настаивая на ответственности иудея за пролитую им кровь Спасителя нашего¹, станем своими криками заглушать для себя и для других тихий голос той же Христовой крови, *лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. 12, 24), вопиющей не об отмщении, а о помиловании и прощении врагов: *Отче, отпусти им: не ведают бо что творят* (Лук. 23, 34). Не похвально и для дела спасения души не безопасно, если ратую против вторгающегося и в христианский мир духовного язычества, пренебрежем духа человеколюбия Христова и, не задумавшись и не разобрав дела, будем словом нещадного осуждения поражать иногда и служащего Божью делу мира, как язычника — Пилата. Тут дело уже не в частных мнениях и убеждениях, а в опасности отчуждения от духа истины и благодати Христовой, без которого нельзя и самому спастись, и способствовать спасению других. А пожалуй, еще будешь давать

самою своею ревностью неразумною только повод к разным хулам на православное христианство, в котором одном надежда для всего мира. Страшно, если именно таким образом будет исполняться над нами слово Божие: *вас ради присто имя Мое хулится во языцех* (Ис. 52, 5).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Для дальнейшего раскрытия того, как стоять нам за православие по духовным потребностям нашего времени, посмотрим, как определяли и отстаивали догматы православия в великий период времени семи *Вселенских Соборов** по тогдашним потребностям веры.

С первого же взгляда бросается, можно сказать, в глаза различие между тем временем и нашим — различие, требующее от нас образа подвигов за православие так же различного от тех подвигов, какие потребны были в тогдашнее время. Тогда требовалось с точностью определять существо православной веры: ныне, очевидно, нет ни малейшей уже нужды снова определять утвержденные навсегда Вселенскими Соборами догматы веры православной. Итак, не просто в букве определения догматов, а главным образом в самой силе дела веры должны мы поучаться у св. отцов вселенских и поместных соборов и подражать их ревности по православию. «Известное дело, — скажет кто-либо, — ныне нужно только твердо соблюдать догматы православной веры, определенные и утвержденные св. отцами соборов, отвергая с ревностью по вере всех и все, в ком и в чем примечается отступление от православия или неверность постановлениям веры православной!» Оно так, если эта ревность по православию соединяется с тем же духом св. отцов, по которому они, подвизаясь за православие, полагали или имели полную готовность положить свои души за спасение людей. В противном же случае самая твердость в православии была бы далека от силы православия и совсем не похожа на ревность по вере, одушевлявшую православных в период Вселенских Соборов.

Прежде собственного развития этой мысли спешим привести здесь слова великого современного учителя отечественной Церкви², как раз относящиеся к рассматриваемому нами предмету:

«Как? — скажет иной. — Я верую во единосущную Троицу, в Господа Иисуса Христа Богочеловека, в Его спасительное страдание, крестную смерть и воскресение, в Его вознесение на небо и грядущий суд, в благодатные тайнодействия Св. Духа. Отвер-

гаю всякое неправославное мудрствование. Не сие ли есть чистая вера в Бога, каковы бы ни были отношения мои к людям? Нет спора, единоверный мой, что сие есть истинная апостольская вера в существование своих догматов: но может быть сомнение в том, точно ли ты ее имеешь, и как имеешь. Поколикую ты ее имеешь в слове Божьем и в символе веры — потоликую она принадлежит Богу, Его пророкам, апостолам, отцам Церкви, а еще не тебе. Когда имеешь ее в твоих мыслях и в памяти, тогда начинаешь усваивать ее себе; но я еще боюсь за сию собственность, потому что твоя вера в мыслях, может быть, есть только еще задаток, по которому надлежит получить сокровище, то есть живую силу веры. А как получить ее? Сердцем, как говорит апостол Павел: *сердцем веруется в правду* (Рим. 10, 10). Но если ты усвоил себе веру сердцем, то есть в глубине души почувствовал ее достоинство, святость и силу, возлюбил ее, прилепился к ней — то вследствие сего надлежит по слову апостольскому *вселитися Христу верою в сердце* (Еф. 3, 17), то есть внести в него свою благодать, свой свет, силу и жизнь, свое мудрование, любовь и добродетель, и тогда ты возлюбишь всех человеков — иначе и быть не может — любовью Христовой. Из любви и благодарности к пострадавшему и умершему за тебя готов будешь и умереть за спасенных Его любовью и искупленных Его смертью. Кратко сказать, по мере совершенства в вере, будешь совершен в человеколюбии. Таким образом, одно из двух: или ты имеешь чистую веру и купно с нею человеколюбие или...» и проч.

Имея в виду такую силу веры православной, мы легко можем выяснить себе подвиги за православие отцов и чад св. Церкви в период Вселенских Соборов. Не по внешнему образу совершения этих подвигов, а в живой силе их, чтобы в той же силе подвизаться и нам за православие, по нуждам нашего времени.

После того как св. страстотерпцы своим общением в Христовых страданиях и следовательно в Христовой любви к людям, выразившейся в Его страдании и смерти за людей, победили как иудейство, ревнующее за мертвую букву Божия закона, так и язычество, обожающее одни пустые призраки божественного вместо признания истинного Бога, — чадам святой Церкви открылось ничем не стесняемое отвне удобство к проявлению в себе той силы веры, чтобы Христос вселился в их души как верховное начало всей их деятельности и жизни, как Бог их мысли, чувства, желаний, всякого их движения, к раскрытию в них своей святости, премудрости и любви. Между тем к этому внутри самой Церкви открылись немедленно страшные препятствия и затруднения. Явилось сначала посягательство лжи на самое зна-

чение Христа как высочайшего для нас начала, как истинного Бога, чем человек и при самой вере во Христа поставлялся, очевидно, уже в независимость от Него как от верховного своего во всем начала; и таким образом все спасительное, истинное, благое, прекрасное, словом — *всяко исполнение Божие*, открытое в Христе человеку, заграждалось для последнего. Для изложения этой лжи, взволновавшей Восток и Запад христианского мира, требовалась и проявилась вся сила *веры православных*. И она успела для себя и для мира раскрыть солнечный свет той основной для христиан истины, что Христос Спаситель наш есть непреложно верховное для нас во всем начало, истинный в строжайшем смысле Бог, предвечный и единосущный Отцу Сын Его, зиждительное и вседержительное Его Слово ипостасное, которым и открываются для приемлющих (верою) и держащихся Его как единого всеуправляющего своего начала *все сокровища Отчего благоволения, премудрости, силы и правды*. Но в этом великом и спасительном для нас значении Христос приемлется и усваивается нами, верующими, не иначе как силою и действием в нас Св. Духа; ибо *никтоже может* даже по надлежащему *рещи Господа* (назвать Господом) *Иисуса, точно Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Поэтому не замедлило тогда же открыться посягательство лжи и на Божеское достоинство, власть и силу самого Духа Святого; отчего опять полнота Божия, раскрытая для нас во Христе, становилась бы для нас совершенно недоступною и несообщимою.

Новым подвигом веры, соединявшей с снедающей ревностью по истине всевозможную осторожность любви, поставлена в открытом свете и эта жизненная истина, что Св. Дух, в силе которого приемлется и вселяется Христос в верующих, есть истинный Бог, единосущный Отцу, от которого Он исходит, и Сыну, в котором Он почивает всею полнотою своих сил и действительности, — и что, следовательно, для Божественной силы и действия Св. Духа просто и легко вводить верующих в единое со Христом, в общение Его святости, любви и премудрости, в участие во внутренних расположениях, мудрствованиях и состояниях Агнца Божия, вземлющего грехи мира. Только бы человек сам верою открывал себя, свой ум и сердце для такой благодати, в каком бы времени, месте, положении и занятии он ни находился. Но с этой стороны ложь сделала новые отчаянные посягательства на истину. Она настаивала, что в самом Христе — основании благодатного соединения человека с Богом — человеческое с Божественным соединилось только случайно, что Христос родился от Своей Матери будто бы простым человеком, с которым за его святость уже впоследствии соединился Бог Слово, пребывая в Своей лич-

ности всегда отдельным от человечества Христова. От чего самое основание к союзу людей с Богом распадалось бы внутренно в самом Христе. Ибо если Христос как человек святой и непорочный и мог бы соединиться с Богом Словом, то всем прочим людям, как естественно грешным, все же не оставалось бы надежды войти в совершенный и постоянный союз с Богом. Живое чувство православия и неомраченная мысль веры сейчас же заметили ниспровержение этой ложью всей тайны нашего спасения во Христе. И новые великие подвиги нужны были для торжества той истины, что ради спасения грешных людей *сам Бог Слово, сам единосущный Отцу Сын Его, собственным лицом, своим вседержавным «Я»*¹, низшел до восприятия человеческой природы, так что Матерь Его от Духа Святого зачала и родила для нас истинно самого Бога и потому есть истинная Богородица. Так же и все, совершаемое и претерпенное Им в человечестве, Он совершил и претерпел для нас именно — в единоличном соединении своего, сродного всем нам, человечества с бесстрастным своим Божеством, *носящим всяческая глаголом силы своя* (Евр. 1, 3) и существенно проявляющим в Себе беспредельного Отца. И вот, ради Божества Его, ради вечно почивающей в Нем всей полнотой своей любви Отчей вся вина грехов нашего мира, любовь Христовую понесенная до крестной смерти, до состояния неисследимого некоторого оставления Отцом, была с преизбытком Им заглажена (ибо что грехи всего мира сравнительно с истощанием за них самого Бога, которым мир существует?), а ради Его человечества, естественно сродного и сообщного нам, вся Божия во Христе полнота, Его истина, правда, любовь, вообще все о Христе премудрое, благое и прекрасное, все это — доступно и удобосообщимо нам, человекам, если только сами хотим и подвизаемся воспринимать эти сокровища верою. И есть кому матерински поддержать, охранять и возвращать самые слабые, самые младенческие начатки такого нашего общения в Божьей полноте, открытой нам во Христе: это — сама пресвятая Богородица, Матерь Того, в Ком обитает вся полнота Божества телесне (Колос. 2,9). Таким образом, основание в Христе нашего соединения с Богом непреложно и вечно, как сам Бог Слово, снисшедший для сего до вочеловечения в собственном лице; потому и самое соединение наше с Богом, основанное во Христе, так прочно

¹ Так выражаюсь, желая ярче выставить на вид, что именно утверждено на веки наше личное бытие или только Я каждого из нас. За наше Я Христос Бог ручается собственным Я, нисшедшим для нас до вочеловечения.

и глубоко, как неразрывно Христово Я, единое у Его Божества и человечества от самого Его зачатия для нас Богоматерью.

Ложь и тут снова извернулась, чтобы только не дать человеку быть во Христе с Богом. Явилось лживое учение, будто во Христе человечество поглотилось Божеством, как капля морем; от чего грешные люди должны были бы потерять в самом Спасителе Христе доступность или сродный с их природой способ к своему соединению с Божеством. Да и самое это соединение с Богом, по своему основанию во Христе, грозило бы им неминуемым поглощением их человечества вместо спасения... И опять требовался тяжкий подвиг православия для раскрытия и утверждения истины, что в нашем Спасителе, в единстве Его личности сохранились, при своей неразделенности, в *неслитности* и в *непреложности* оба естества — Божеское и человеческое. И все это — для нас, для упразднения естественной человеческой греховности, для приведения человека со всей целостностью его личности и природы к Богу — только бы сам человек не отнимал у такой человеколюбивой Божьей благодати ни личности своей, ни той или другой стороны (души или тела) своей природы.

Ложь, победоносно низлагаемая и рассеиваемая истиной Христовой, и здесь усиливалась подкопать благодатную возможность и удобство для христиан жить только своей личностью и всеми сторонами своего существа — и на земле, как на небе, именно — со Христом в Боге. Открылось лжеучение, что во Христе была и действовала, по крайней мере, одна воля — Божеская и что потому и деятельность Его была также одна Божественная; чем опять наша человеческая воля и деятельность, через которую только и возможно для нас воспринять благодатно Христа, оказывались бы не имеющими ничего общего с Христовою волею и деятельностью и, таким образом, мы и с верою нашей все-таки оставались бы в отчуждении от Господа. И православие мученическими подвигами, подобно как при языческих гонителях, должно было отстаивать истину, что во Христе, при единстве Его Я сохранились в полной целостности и силе не только Божеские воля и действие, но вместе и человеческие. И это опять для нас же, для снятия грехов нашей человеческой деятельности — мысленной, сердечной, телесной, — для того чтобы вся такая человеческая деятельность, проявляющаяся ли по разным нашим внешним отношениям или только внутри духа совершающаяся, производилась нами в общении веры со Христом Богочеловеком и — чрез это — под благоволением небесного Отца. Казалось бы, чего еще более для нашего жительства во Христе? Но эта *догматическая*, так сказать, борьба истины с ложью, сопряженная с такими опас-

ностями для веры, стоившая стольких жертв, и теперь для св. Церкви не кончилась. Ложь пыталась, наконец, привести христианство, с его жительством во Христе, к некоторой отвлеченной и мечтательной идеальности, в которой испарилась бы вся простирающаяся на самую наглядную действительность сила христианства, именно: открылось иконоборство, повторившее языческие и иудейские гонения на православных христиан. Православные подвигами до крови отстояли св. иконы и благоговеющее их почитание, признавая выражение в иконах тайн веры самым сообразным с чувственно-духовным бытием человека и потому для всех самым необходимым, общедоступным и живопонятным. В особенности же они указывали основание иконопочитания в начертанном в самих людях образе Божиим⁵, признавая, видно, областью для раскрытия духа иконопочитания всю человеческую действительность. (Ибо, чтобы соблюдать верность иконопочитанию в том его основании, которое составляет самая досточтимость образа в нас Божия, по св. *Иоанну Дамаскину** — выражаемая и в простых наших поклонах друг другу, — для этого православному необходимо как самому в себе, так и в отношении к другим людям иметь постоянное внимание к напечатленному в нас образу Божию или к сообразованию нашему с существенным Образом Божиим — Христом Сыном Божиим.)

Итак, подвизавшиеся за православие в период вселенских соборов, стояли, собственно, не за мертвую букву веры, а за самую силу союза людей с Богом во Христе, простирающуюся от их духа и на все внешнее, — ту силу, в отчуждении от которой пропадал бы человек не только для будущей жизни, но и в настоящей.

И как они подвизались в своей ревности за спасение человека по православию! *Буди тебе, яко язычник и мытарь* — это слово Христово (Мф. 18, 17) выдерживали они относительно мучителей во всей строгости, но только тогда, когда по слову Христову сначала вразумлял заблуждающегося каждый из истинных ревнителей православия *между собою и тем единым*, как именно св. *Александр** *Ария**, а потом *при двух или трех свидетелях* или даже при целом частном соборе, как тот же александрийский архипастырь того же безумного Ария, и наконец, после вразумления его всею *Церковью*, на вселенском соборе. Все это было именно в том духе самого Христа, который Им же самим на тот же самый предмет выражен: *прииде Сын человеческий взыскати и спасти погибшего. Что вам мнится? аще будет некоему человеку сто овец, и заблудит едина от них: не оставит ли девяносто и девять в горах, и шед ищет заблудшия? И аще будет обрести ю, аминь, глаголю вам, яко радуется о ней паче,*

неже о девяностидесяти девяти незаблудших (Там же. Ст. 11, 13). В частности, поборник догмата единосущия Сына Божия со Отцем, св. *Афанасий Великий* в собственном духе и уме столько углублялся в этот высочайший догмат веры, что, по его собственным словам, многочисленные его писания были только самою малою частью стремящихся к раскрытию тайны размышлений его, — а по внешней жизни почти постоянно подвергался ссылкам и заточениям, отстаивая для человека ту благодать и истину, чтобы он имел во Христе Спасителе истинно верховное на все начало, истинного Бога. Отец монашества восточного, св. *Антоний Великий**, оставил и пустыню, для которой он оставил самый мир, и нашел непротивным иночеству явиться в шумную многолюдством, торговлею и ученостью Александрию, чтобы помочь Великому Афанасию ратоборствовать за спасающее человека Божество Спасителя. Преподобный *Исаакий Далматский** также счел своим долгом выйти из уединения, чтобы во имя Христа, вводящего людей в любовь Отца, именно потому, что Он сам есть едиnorodный и единосущный Сын Божий, — лично противостоять самому царю, закрывшему православные храмы. Св. *Максим Исповедник** терпел от церковных и гражданских властей — *монофелитов** — мученические злострадания за ту спасительную именно для нашей человеческой деятельности истину, что во Христе есть не одна воля Божеская, но и человеческая, — и не одно действие Божества, но и также действие человеческое. Св. Иоанн Дамаскин, любимый и чтимый и неверным властителем (у которого был в службе), за ревностную защиту иконопочитания подвергся бессовестной клевете и убийственным козням от христианского императора-иконоборца. И как ревность этих поборников православия одушевлялась именно человеколюбием, подвизавшимся за спасение человека: то она соединялась с крайней осторожностью, снисходительностью и самоотвержением любви. Великий ревнитель *догмата единосущия** пресвятой Троицы, Афанасий, когда некоторые предстоятели Церкви православную мысль о пресвятой Троице выражали словами, по-видимому, прямо неправославными¹ и были за то строго осуждаемы ревнителями буквы православия, принял сторону первых и тем остановил смущение православных, возникшее от неразумной ревности из-за одних слов. И впоследствии св. *Григорий Богослов**, подобный Афанасию в ревности по вере,

¹ Выражались именно, что в Пресвятой Троице одна ипостась, принимая, впрочем, это слово (с латинского *substantia*) в смысле не лица, а сущности.

не знал, как и восхвалить Афанасия за это дело мудрой любви. *Василий Великий*, чтобы удержать в православной Церкви поколебавшихся уже в вере в Божество Св. Духа и постепенно, незаметно привести их к этой вере, решался даже некоторое время не говорить в своих поучениях прямо о Божестве третьей Ипостаси Св. Троицы, хотя через это и сам подвергался нареканию в неправославии от нечеловеколюбивой ревности некоторых и даже должен был принять некоторые упреки в излишней снисходительности от своего великого друга — Григория Богослова. И сам Григорий Богослов, видя при открытии второго вселенского собора разногласия и споры епископов, возбужденные личными недоброжелателями Богослова, подвигнут был истинно Христовым духом, как бы виноватый в этих смутах, оставить Константинопольскую кафедру и удалиться в строгое, тяжкое для его ревнивого духа уединение, чтобы только отцам собора дать возможность спокойно и мирно приняться за великое дело. Любовь св. *Златоуста** не усомнилась перенять у самых ариан некоторые виды относящегося к богослужению благолепия и стройности, которыми они стали было обольщать простодушных.

Вот как в период вселенских соборов подвизались за самую силу православия.

Рассмотрев, за что и как в силе дела подвизались в те времена защитники православия, обратимся к нашему времени.

Ложь древних ересей, волновавшая весь древний христианский мир, и ныне действует в той же силе и обширности духовного человекогубительства, но только уже раскрывается в инаковых видах. Есть и прямо, открыто не признающее Христа Богом арианство; но и такое нынешнее арианство имеет корнем своим уже не догматические недоразумения и заблуждения веры, но то направление, по которому многие христиане не хотят и не думают признавать и иметь Христа Спасителя верховным живым началом своей мысли, своей воли, сердца, воображения, и следовательно, всей области наук, искусств, жизни общественной и частной. Ведь это то же, в силе дела, что не признавать Христа истинным Богом своим, в котором не только все действительное имеет свое основание зиждительное и вседержательное, но вне которого, вне Его благоволительной или попустительной воли и мысли, ничего не возможно. Бывает и то, что относящееся прямо к вере и благочестию содержится или исполняется как следует, *по Христу*, а во всем прочем дается место разным житейским или идеальным началам, уже не возводимым под небесное Главенство Христово, а иногда и прямо ему враждебным (каковы, например, начала порочных страстей); это есть повторение, в силе

дела, того древнего *полуарианства**, по которому иные признавали Христа Богом, не воздавая, однако, Ему всецело и решительно Божеской чести, и с которым древнее православие никак не хотело иметь единения. Весьма еще назидательно и замечательно для нас, что поборники православия против ариан никак не сдавались на громкие их величания Христа *премудростию и силою Божиею, сиянием славы Божией, Словом едиnorodным* и даже *Богом*, и тому подобное. Видно, и с громкими речами о Боге можно еще не уйти от силы и духа худшей из ересей. Православные для церковного общения с собою требовали от ариан одного точного слова о Божестве Христовом — требовали такого исповедания веры, что именно *единосущный* Отцу Сын, следовательно, по самой сущности, Бог, существенно проявляющий в Себе всю премудрость, всю силу и любовь Отца, истощил себя за мир, как Агнец Божий, понесший в Себе отягчающие и убивающие мир грехи и проклятие. Вот кто есть наш Спаситель Христос — истинный Бог, высочайшее начало для всего и для нас во всем! Итак, ревнуете ли по православию, — поревнуйте именно о том, чтобы ни одна у нас область жизни общественной и частной, ни одна среда вашей деятельности, как бы иная из них ни была опутана нехристианскими началами, не оставалась возглавленной под эти погибельные начала вне верховного начала — Христа, истинного Бога нашего, и таким образом не была вне благоволения Отца небесного, почивающего всею полнотою своею на *единосущном* Его Сыне. Если необходим для этого великий и разносторонний мысленный и словесный подвиг, вспомните труды Афанасия Великого, Златоуста, Григория Богослова и одушевитесь их духом. Если для раскрытия божественного и духовного главенства Христова над всем, не только прямо-духовным и церковным, но и мирским, земным неизбежно обращаться иногда мыслью и сердцем к разным сторонам и видам человеческого, земного — не затруднитесь последовать мыслью и духом Великому *Антонию**, который из своего пустынного в Боге уединения явился среди шума и суеты городского многолюдства для вразумления заблуждающихся и утверждения верных в догмате единосущия со Отцем Христа Сына Божия, следовательно, и Божественного Его главенства для всего небесного и земного. Если и трудно противостать господствующему направлению — мыслить и делать не по Христу Богу или не совсем по Христу, то возьмите в человеколюбивое ваше внимание, что подобное направление в христианах — этих духовных храмах Божиих, так сказать, прекращает богослужение их мысли и сердца, следовательно, закрывает эти Божии храмы, подобно как некогда *Валент** и вспомнив

св. *Исаакия Далматского**, твердо станьте против этого арианствующего направления, с уверенностью, что исчезнет же, Бог даст, его господство на радость мучимого им человека.

Да не будет у нас мира с христовраждебною ложью ни в чем; но опутанных ложью следует наводить на истину всевозможным ее раскрытием, следует возбудить к их вразумлению и, в частности, ревность того или другого, и самое общественное мнение и только тогда, как на все меры и усилия любви вразумить их они отзывались бы одним упорством и враждою — тогда только, следуя св. отцам, можно применить к заблуждающим слово Христово: *буди тебе, яко язычник и мытарь*, — и то не в смысле окончательного и решительного отвращения от них, а с преданием их в волю Божию наряду с другими людьми, чуждыми Церкви Божией. А пока еще дело вполне не разобрано по тому или другому вопросу или предмету, которым занимаются, по-видимому, не по Христу или не совсем по Нему: дотоле еще нет основания для нас отвергать кого бы ни было как явного невера или еретика. Св. отцы соборов так не делали даже с злейшими еретиками. И ныне, как тогда, могут быть у неразумных ревнителей разногласия только из-за одних слов. И ныне какой-нибудь *Евтихий**, преследуя *несторианство**, ратуя против направления вести дела человеческие в отдельности от Божественного, нередко впадает в другую столь же лживую и пагубную односторонность или крайность, начинает подавлять человеческое Божественным, забывая, что во Христе, лично соединившем в Себе ради нас человечество с Божеством, человеческое не подавлено и не поглощено Божеством. Во все это вникать до тонкости, конечно, трудно. За это, при всех трудностях и скорбях нужного ныне подвига за православие, для боголюбивого и человеколюбивого духа — радость и торжество созерцать и указывать в Боге Слове, единосущном Отцу, зиждительное и воссозидательное начало для всего, не исключая и всего того, что доселе поработчено греховной суете (ибо Он — Спаситель потерянного и погибающего). Св. Григорий Богослов, в которого ариане не только нравственно, но и буквально бросали камни, тем не менее с восхищением духа желал, подобно открытому для всего мира светильнику, гореть и светить для всех светом единосущной Троицы. А изучать и следить во всем Мысли Отца, зиждительно осуществленные и мироправильно осуществляемые единосущным Его Словом в силе Св. Духа, и значит — взирать верою к свету Пресвятой Троицы или единосущного в трех лицах Бога, которым мы живем, движемся и есмь (Деян. 17, 28). И будет время, когда мысленные и нравственные борения нашего времени будут выясняться и распуты-

ваться совершенно на тех же живых основаниях, на каких св. отцы излагали древних еретиков, и когда многое, мнящееся православным, окажется более сродным с неправославным. Дух истины не оставит любящих истину во тьме или сумраке.

Да! не допустим того, чтобы в наше время мог ослабеть тот Дух, в силе которого св. отцы раскрывали и отстаивали догмат единосущия Сына Божия со Отцем и следовательно верховного, истинного Божественного главенства Христова над всем земным и небесным, над всем внешним миром и над внутренним миром нашей души. Не уступим направлению лжи, будто Дух — раскрывающий в Церкви силу и значение истощания нашего Господа до того, что за грешный мир и гибнущего человека стал Господь сам как олицетворенный грех и клятва в своем распятии за нас, — такой Дух будто уже не может ввести верующих в расположения и мысли этой самой Христовой любви к человеку и миру; так что ныне будто, во имя православия, уже надобно только бросить, как негодное, то и другое человеческое, порабощенное в чем-либо греховной суете, — будто теперь истина Христова уже только осуждает и отвергает вместо благонаправления и спасения грешного мира. Уступать или допускать это в том Духе, который в своих дарах и действиях проявляет значение и силу всей Христовой тайны, которым только и можно признавать Господа Бога в Иисусе Христе, значило бы — допускать в себе еретический дух *Македония**, не верившего в Божество Св. Духа, в Его неизменность, в Его всемогущую вседейственность во всех временах и местах. Впрочем, видно, подобно арианству, и *македоничество** сильно обижает нас своим губительным духом, когда о большей части самих служителей благодати, защищая притом их, приходилось говорить как о пробивающихся естественными путями и средствами, подобно и прочим сынам Адама и Евы.

«Но где же, — говорят, — нам, грешным людям, до исполнения Св. Духом, до разумения и исполнения всего по Христу едиnorodному Сыну Божию, не только в разных стезях житейских, но и в более возвышенных путях науки, искусства и проч.!» Но для кого же, если не для нас, грешных людей, равно на высоких и низких ступенях нашего быта, единосущный Отцу Бог Слово собственным лицом низшел до вочеловечения, до восприятия в единство своего лица естества человеческого, до страдания и смерти в этом человечестве? Или мы хотим, подобно *Несторию**, отказать от той благодати, что во Христе вся полнота Божия, соединенная ради нас родным нам человеческим духом и телом в единое лицо, в одно «Я»; чрез это открыта нашему общению по мере веры нашей, и что сама Богоматерь, по самому такому дос-

тоинству своему, всегда готова своею матернею любовью охранять и поддерживать самые даже слабые начатки Духа Сына своего в нас, в нашей мысли, чувстве и воле? Ведь дерзнувшее отвергнуть эту истину и благодать несторианство проклято; остережемся давать место в себе его духу.

«Бросим, же, — говорят с другой стороны, — наш слабый человеческий ум, воображение, особенно эту брэнную тленность; будем попирать и уничтожать нравственную нашу личность; вознесем духом к небесному и божественному». Хорошо. Но не надо забывать и того, что во Христе и человечество, как с душою разумною, так и с телесностью, не поглощено Божеством, но ради нас, человек, ради спасения нашего ума и других духовных наших сил, так же как и нашей телесности, осталось целым, как и его Божество, в единой его личности; и это для сохранения и возвышения нашей личности в истинном ее достоинстве. Подавлять духовным направлением человеческий ум или другие душевные силы, вместо разностороннего раскрытия их во Христе, — устранять самую телесность нашу от всякого участия в благодатной духовности, значило бы — мириться с духом *евтихианства**, признававшим во Христе, нашем Спасителе и первообразе, поглощение человеческого Божеским, и с монофелитами не признавать во Христе, вместе с Божескою, и человеческую волю и деятельность, за какую нецененную для человека истину св. Максим готов был стоять до смерти, хоть бы один против всех в мире. Нет, духовность нашей жизни и деятельности состоит не в парениях, знать не желающих человеческой действительности. Между тем как в среду и под условия этой действительности — под условия и не только прямо-духовные и церковные, но и семейные, народные, гражданские — нисходил к нам единосущный Сын Божий, восприяв и сохранив в единстве своего лица, в соединении с Божеством своим и человеческое естество с человеческою волею и действием человеческим, значит — и с человеческими мыслями, желаниями, чувствами, воспоминанием, воображением, и — все это ради нас, человек... Благодатный дух, возвышающий нас над греховностью плотской и над растленностью мирской, состоит, собственно, в том, чтобы у нас все относящееся и к духу — до всякого действия всякой его силы, и к телу — даже до вкушения пищи и до сна, все в нашей личности было по Христу и со Христом и, следовательно, под благоволением небесного Отца Его и в общении Святого Его Духа. И притом, так как Христос приходил в мир в значении и расположениях Агнца Божия, вземлющего грехи мира, и эта на себя принявшая всю ответственность за человеческие грехи любовь Его есть дух

всей Его земной жизни, всех Его состояний и действий; то именно в таком Его духе и должна быть духовность всех наших как внутренних расположений и мыслей, так и внешних отношений и поступков.

Нужны ли еще прямые опытные свидетельства древних духовноносцев об истинности такого нашего понятия относительно духовности, развиваемого нами из самого существа утвержденных ими догматов православия? Один духоносный старец внушал на тот случай, если бы юный инок своими юношескими парениями стал возвышаться над землею к небу, удержать его за ноги и поставить на землю. Вот и духовность по образу и духу Христа, снисшедшего к нам на землю! Еще один из строгих подвижников, узнав о беззакониях чьих-то, только вздохнул со скорбью, неочищенную от осуждения беззаконника, и — сам Господь, в ночном видении, явился подвижнику с осуждением его самого и с готовностью принять второе распятие за внутренне осуждаемого им грешника. Вот как фальшива духовность, раскрывающаяся не по образу и духу Агнца Божия! Итак, если мы, ревнуя по Богу и Церкви, не внемлем или мало внемлем самому же Христу в разнообразных затруднениях и нуждах меньших Его собратий — в среде ли внешне-гражданской и народной, или в области мысли и чувства, нашу, не совсем по Христу высящуюся к небу духовность следует поставить еще на землю, которую Христос так возлюбил и которая во Христе становится уже небесным жильством. Если я стану смотреть на раскрытие человеческой мысли, сердца, фантазии в науках и искусствах *с духом осуждения* человеческих неверностей Христу, а *не в духе любви Его*, вземлющей на себя ответственность пред своим Отцом в наших неверностях, то при всем том, что я должен выдерживать и раскрывать истину Его перед братьями, сам Господь (не к оправданию моему, конечно) покажет *Себя* самого восприявшим человеческую мысль, сердце, фантазию и вообще все человеческое естество с волею и действием человеческими, притом вземлющим на себя вины всех человеческих грехов во всех этих отношениях или силах человеческих...

Впрочем, мнимая духовность отвлеченной идеальности и мечтательных парений отринута в Церкви торжественно догматом иконопочитания, который, кроме утверждения его Вселенским Собором, православные отстаивали своей кровью. Если быть верным этому догмату в самом основании его, какое представляется в святоотеческом зашищении св. икон, именно в благоговейном внимании к образу Божию, начертанному в нас, человеках (которым именно и должен усвоиться благодатный дух и сила вооб-

ще всей священной церковной внешности), то не только в области прямо-духовного и церковного, но и в гражданской службе, в земледелии, в занятиях купли и продажи, даже в обществах и увеселениях истинно православный будет тайно и никому не зримо внимать к отобразившемуся в нас существенному образу Божию — Христу, как сам в себе, так и в отношениях к другим до простых приветствий и поклонов друг другу. (Выше мы уже имели случай указать прямо относящееся сюда место из св. *Иоанна Дамаскина**.) И, таким образом, истинная духовность православного будет простираться у него от его духа на все внешнее и на самое, так сказать, житейское; так что он, исполняясь и воодушевляясь этою духовностью именно пред св. иконами — в Божиих храмах за святою службою, затем и среди шумного многолюдства будет, во внутренней своей тишине, как бы во храме пред св. иконами за священнослужением. Ибо внимать Христу, приводящему всякого в любовь своего Отца силою Духа Святого, значит присутствовать духом за непрерывающим священнослужением самого вечного Иерея и Архидиакона.

Заклучим слово на сей раз. Мы только тогда будем верны как духу и силе святоотеческого ревнования по православию в период вселенских соборов, так и вопиющим требованиям православия в наше время, когда, *во-первых*, будем твердо и с ревностью стоять словом и делом за православие, но именно в настроении и духе любви Господней, взявшей на себя ответственность за грехи и заблуждения мира, и когда, *во-вторых*, сколько самое даже дольнее-земное будет у нас устроиться по началам Христовой истины, столько же обратно и самая Христова истина будет нами раскрываема и разъясняема в значении начала для всего, и самого дольнего и мирского, то есть в том самом значении, в каком истина явилась нам в лице самого Христа, снисшедшего с неба на землю и даже во *ад* сходявшего для открытия всюду своего животворного света...

